

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

2018

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. В. Майоров, А. Э. Котов. Из истории издания русских летописей: последнее начало графа Н. П. Румянцева	5
А. С. Бодрова. Поэт Языков, цензор Красовский и министр Шишков: к истории цензурной политики 1824—1825 годов	35

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. О. Дёмин. А. П. Сумароков — переводчик итальянских либреттистов П. Метастазιο и М. Кольтеллини	52
В. А. Кошелев. Пушкинский сюжет об «импровизаторе»	61
А. А. Чуркин. «Плач мой» и повесть «Иосиф» Игнатия Брянчанинова: трансформация светских жанров в духовной прозе	72
Письма О. Ф. Миллера к В. И. Ламанскому (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Малинова и И. Ю. Пешперовой)	85
Вл. Гиппиус. Золотой век. Из писем к иностранцу (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Ю. А. Рыкуниной)	99
А. А. Чабан. Николай Гумилев — рецензент Федора Сологуба	127
Л. Г. Панова. Три реинкарнации Клеопатры в прозе Серебряного века: новые узоры по пушкинской канве	137
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1911 год (вступительная статья и комментарии Е. Р. Обатниной, подготовка текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной).	163
А. В. Сысоева. Наследники А. С. Суворина в борьбе за власть в журналистской империи «Нового времени»	209
Н. А. Богомолов. Два альбомных стихотворения Вяч. Иванова	216
Приложение. Стихотворения Г. И. Чулкова	223
И. Е. Ерыкалова. Из творческой истории романа Е. И. Замятина «Бич Божий»	224

RUSSKAYA LITERATURA

№ 1

Historical and Literary Studies

2018

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
A. V. Mayorov, A. E. Kotov. On the Publication History of the Russian Chronicles: The Last Undertaking by Count N. P. Roumyantsev	5
A. S. Bodrova. Yazykov the Poet, Krasovsky the Censor and Shishkov the Minister: On the History of the Censorship Policies of 1824—1825	35

RELEASES AND REPORTS

A. O. Dyomin. A. P. Sumarokov as the Translator of the Italian Librettists, P. Metastasio and M. Coltellini	52
V. A. Koshelev. Pushkin's Story Line about the «Improviser»	61
A. A. Churkin. «My Lament» and Ignaty Bryanchaninov's Novella <i>Joseph</i> : Secular Genres as Transformed in the Spiritual Prose	72
O. F. Miller's Letters to V. I. Lamanskiy (Introduction, Editing and Comments by A. V. Malinov and I. Yu. Peshperova)	85
VI. Gippius. The Golden Age. Letters to a Foreigner (Introduction, Editing and Comments by Yu. A. Rykunina)	99
A. A. Chaban. Nikolay Gumilyov Reviewing Fyodor Sologub	127
L. G. Panova. Three Reincarnations of Cleopatra in the Prose of the Silver Age. New Stitching on Pushkin's Canvas	137
At Twilight. A. M. Remizov's Letters to S. P. Remizova-Dovgello: 1911 (Introduction, Editing and Annotations by E. R. Obatnina; Text Preparation by A. S. Urupina)	163
A. V. Sysoyeva. A. S. Suvorin's Heirs and Their Power Struggle in the <i>Novoye Vremya</i> Press Empire	209
N. A. Bogomolov. Vyach. Ivanov's Two «Album» Poems	216
Appendix. Poems by G. I. Chulkov	223
I. Y. Yerykalova. On the Creative Background of Ye. I. Zamyatin's Novel <i>Flagellum Dei</i>	224

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ — РЕЦЕНЗЕНТ ФЕДОРА СОЛОГУБА

Освещая реакцию модернистской критики на поэтическое творчество Ф. Сологуба, исследователи¹ до сих пор не рассматривали подробно рецензии Н. Гумилева.² Мы постараемся восполнить этот пробел, проанализировав отклики Гумилева в контексте символистской критики.

Установить точную дату личного знакомства поэтов пока не удалось. Известно, что в начале 1910-х годов молодой автор уже посещал «воскресенья» Сологуба,³ оба литератора могли встречаться на «Вечерах Случевского»,⁴ на «Башне» Вяч. Иванова⁵ и в «Бродячей собаке».⁶

В прижизненной критике⁷ и исследовательской литературе⁸ высказывались разные мнения об отношении Гумилева к лирике старшего поэта. В комментариях к отдельному изданию «Писем о русской поэзии» и трехтомному Собранию сочинений поэта Р. Д. Тименчик обращает внимание на то, что восприятие Сологуба было обусловлено литературной стратегией критика: «Отношение к творчеству Федора Сологуба <...> Гумилеву пришлось продумывать несколько раз на протяжении своего творческого пути».⁹ Комментаторы Полного собрания сочинений Гумилева в десяти томах рассматривают историю творческих взаимоотношений литераторов, однако по преимуществу не учитывают эволюцию поэта-критика, полагая, что «творчество и личность Федора Сологуба <...> оставались достаточно чуждыми Гу-

---

Александра Александровна Чабан — докторант Тартуского университета; доцент кафедры гуманитарных дисциплин факультета «Liberal Arts College» Института общественных наук РАНХиГС.

¹ См., например: Дикман М. И. Поэтическое творчество Федора Сологуба // Сологуб Ф. Стихотворения / Сост., подг. текста М. И. Дикман. Л., 1978. С. 40—42, 49—57; Григорьева Е. Федор Сологуб в мифе Андрея Белого // Блоковский сборник. XV. Тарту, 2000. С. 108—149; Кукушкина И. Ю. О цитатности в сборниках Ф. Сологуба «Родине» и «Пламенный круг» // Блоковский сборник. XI. Тарту, 1990. С. 23—36; Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 98; Павлова М. М. Послесловие // Сологуб Ф. Пламенный круг: Репринтное издание. М., 2008. С. 285—292, и др.

² В работе С. Л. Слободнюка «Федор Сологуб в критическом наследии акмеизма» характеризуются, но детально не анализируются отзывы Гумилева и Мандельштама на Сологуба (см.: Художественные стратегии классицистской и новой русской литературы: жанр, автор, текст. Материалы XVIII Международной научной конференции Пушкинские чтения-2013. СПб., 2013. С. 145—152).

³ См., например: Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. / Сост. и комм. Е. Чуковской. М., 2001. Т. 5: Современники. С. 441.

⁴ См.: Тахо-Годи Е. А. Ф. Сологуб и К. Случевский — биографические и творческие контакты // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 520—521.

⁵ См.: Шишкин А. Б. Символисты на Башне // Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый — Вячеслав Иванов — Александр Скрябин / Под ред. К. Г. Исупова. М., 2012. С. 305—338.

⁶ См.: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 160—257.

⁷ Например, см.: И. А. [Анненский И. Ф.] О романтических цветах // Н. С. Гумилев: pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост., вступ. статья и прим. Ю. В. Зобнина. СПб., 1995. С. 348 (впервые: Речь. 1908. № 308. 15 (28) дек. С. 5); Левинсон А. Гумилев. Романтические цветы // Там же. С. 354 (впервые: Современный мир. 1909. № 7); Л. В. [Войтоловский Л.] Парнасские трофеи // Там же. С. 372 (впервые: Киевская мысль. 1910. 11 июля. № 189).

⁸ См.: Струве Г. Неизданные материалы для биографии Гумилева и истории литературных течений // Опыты (Нью-Йорк). 1953. Кн. 1. С. 189; Ronen O. An Approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983. P. 62; Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 1. С. 362 (комм.).

⁹ Гумилев Н. С. 1) Письмо о русской поэзии. М., 1990. С. 297 (комм. Р. Д. Тименчика); 2) Собр. соч.: В 3 т. / Подг. текста, прим. Р. Тименчика. М., 1991. Т. 3: Письма о русской поэзии. С. 264.

милеву на всем протяжении творческого пути. Однако это не мешало ему по достоинству ценить поэтическое мастерство Сологуба...».¹⁰

На фоне противоречивых мнений о близости/чуждости Гумилеву творчества старшего поэта три рецензии на стихи Сологуба, созданные в разные периоды творческой деятельности критика, дают богатый материал для попытки целостной характеристики рецепции Гумилева. Мы рассмотрим все три текста: рецензию на книгу стихов «Пламенный круг» (Речь. 1908. № 220. 18 сент. (1 окт.). С. 5), отзыв на I и V тома Собрания сочинений Сологуба издательства «Шиповник» (Аполлон. 1910. № 9. Хроника. С. 35—36) и рецензию на XIII том Собрания сочинений издательства «Сирин» (Аполлон. 1914. № 1—2. С. 130).¹¹

В этой работе мы попытаемся описать, как связаны рецензии Гумилева на лирику Сологуба с критическими выступлениями символистских авторов и как отзывы отражают эволюцию Гумилева-критика.

Восьмую книгу стихов Федора Сологуба «Пламенный круг» (1908)¹² представители разных литературных направлений¹³ оценили как образец яркого поэтического мастерства. Наиболее авторитетные для Гумилева символистские критики начали публиковать свои отзывы через несколько месяцев после выхода нового сборника. Литературный наставник Гумилева В. Брюсов поместил рецензию в журнале «Весы» (1908. № 6. С. 51—53). А. Блок выпустил свой отклик в журнале «Золотое руно» (1908. № 7—9. С. 97—99), а годом ранее напечатал обзорную статью «Творчество Федора Сологуба» (Перевал. 1907. № 10. С. 21—23). Гумилев придавал особое значение и мнению А. Белого, хотя не всегда с ним солидаризировался. Мы будем учитывать следующие очерки критика-символиста: «Далай-лама из Сапожка» (Весы. 1908. № 3. С. 63—76), «Истлевающие личины» (Критическое обозрение. 1907. № 3. С. 27—29), «Федор Сологуб. Стихи. Книга шестая» (Перевал. 1907. № 8—9. С. 100—101). Преимущественное внимание будет уделяться тем фрагментам рецензий символистов, которые отзвучат в критических текстах Гумилева.

В статье «Творчество Федора Сологуба» А. Блок характеризует старшего литератора как талантливого прозаика и стихотворца.¹⁴ По мысли Блока, Сологуб-прозаик запечатлевает хаос жизни, а Сологуб-поэт старается преобразовать хаос в гармонию. В отзыве на «Пламенный круг» критик строит свои рассуждения вокруг метафоры поэта-мудреца, при этом вновь отмечает разлад автора с окружающей действительностью и его стремление сконструировать свой собственный мир.¹⁵ Как представляется, эти блоковские размышления получают свое развитие в третьей рецензии Гумилева на лирику Сологуба.

Поскольку отзыв на «Пламенный круг» вышел в сентябре 1908 года, вполне вероятно, что Гумилев не успел ознакомиться с этой рецензией Блока. Однако для нас будут важны и типологические параллели, которые прослеживаются в критической прозе поэтов. Так, например, Блок рассматривает значимую и для Гумилева тему адресата поэзии Сологуба: «Менее всего известны публике и критике стихи Сологуба. Может быть, они так и останутся достоянием немногих, но истинных читателей, разделяя судьбу поэзии Тютчева и Баратынского».¹⁶ Несмотря на то,

¹⁰ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 277.

¹¹ Сологуб был знаком с откликами Гумилева: отзыв на «Пламенный круг» есть в его альбоме с рецензиями 1907—1908 годов (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 17. Л. 18 об.), а на журнал «Аполлон» была оформлена подписка (см. недатированное письмо Ан. Чеботаревской Е. Зноско-Боровскому: «Прошу Вас выписать мне „Аполлон” на ½ года — деньги присылаю. (...) Журнал хотелось бы иметь весь (...)» (РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 4674. Л. 1)).

¹² О сборнике «Пламенный круг» подробнее см.: Павлова М. М. Послесловие. С. 277—284, 290—291.

¹³ Среди критиков были: Ю. Айхенвальд, И. Анненский, А. Блок, В. Брюсов, Г. Чулков, М. Горький, А. Измайлов и др. Подробнее об этом см.: Там же. С. 283—292.

¹⁴ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2003. Т. 7. С. 82.

¹⁵ Там же. Т. 8. С. 44.

¹⁶ Там же. С. 42.

что для Блока существует внушительная дистанция между Баратынским и Тютчевым с одной стороны и Пушкиным с другой, критик осторожно сравнивает сологубовский стиль с пушкинским: «Простота, строгость, совершенство форм и какая-то одна трудно уловимая черта легкого, шутиwego и печального отношения к миру роднит Сологуба-поэта с Пушкиным».¹⁷

«Изысканную простоту»¹⁸ текстов Сологуба отмечает в рецензии на «Пламенный круг» и Брюсов. Эту особенность поэтики старшего символиста критик связывает с размышлениями об адресате символистских текстов. Будучи одним из организаторов русского символизма как направления, мэтр внимательно следил за тем, расширяется ли круг читателей символистских произведений. Так, Брюсов отмечает, что творчество Бальмонта является примером успешной авторской стратегии по отношению к читателю, а судьба поэтических текстов Сологуба, напротив, менее удачна: его стихотворения «чтут, но мало читают».¹⁹ По мысли Брюсова, поэтика книги «Пламенный круг» «слишком строга и серьезна, она поражает не с первого взгляда, ее „необщее выражение“ надо высматривать. (...) Поэмы Ф. Сологуба часто построены так гармонично, что эта изысканная простота кажется бедностью».²⁰ О восприятии современным читателем символистской лирики и о многоэтапности самого процесса чтения стихов будет размышлять и Гумилев, описывая эффект, который производит на читателя «изысканная форма» текстов автора «Пламенного круга».

Для молодого поэта лирика Сологуба могла оказаться важной с точки зрения его собственных творческих поисков. С конца 1900-х годов поэтика Гумилева начинает приближаться к «прекрасной ясности».²¹ Простота и точность поэтического стиля, лаконизм художественных образов, «доведенных до конца», станут впоследствии одними из важных эстетических принципов акмеистов.²²

Следуя предшественникам, Гумилев начинает свою рецензию с рассуждений об адресате «Пламенного круга». Если Брюсов и Блок размышляли об отсутствии широкого читательского внимания к лирике Сологуба, то Гумилев стремится описать то, как он сам усваивает стихи старшего поэта. В рецензии прослеживаются аллюзии на отзыв Брюсова: «Странным свойством обладают стихи Сологуба. Их прочтешь в журналах, в газетах, удивишься их изысканной форме и забудешь в сутолоке дня. Но после, (...) когда останешься один и печален, вдруг какая-то странная и близкая мелодия зазвонит на струнах души, и вспоминаешь какое-нибудь стихотворение Сологуба, один раз прочитанное, но все целиком»;²³ ср. у Брюсова:

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ср. развитие этой мысли в статье Брюсова «Федор Сологуб как поэт» (1910): «...простота Ф. Сологуба — именно простота пушкинская. (...) все его слова обдуманы и осторожно выбраны. Такая простота в сущности является высшей изысканностью, потому что это — изысканность скрытая, доступная лишь для зоркого, острого взгляда» (Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 284).

¹⁹ Брюсов В. Я. Две книги. [Рец. на:] Д. Мережковский. Павел I. Драма. Изд. М. Пирожкова. СПб. 1908. — Федор Сологуб. Пламенный круг. Стихи. Книга 8-я. Изд. журн. «Золотое Руно». М. 1908 // Весы. 1908. № 6. С. 51.

²⁰ Там же. С. 52.

²¹ О «простом и ясно понятом Н. Гумилевым мире» пишет В. Нарбут. См.: Нарбут В. Н. Гумилев. Чужое небо // Нарбут В., Зенкевич М. Статьи. Рецензии. Письма / Сост., прим. М. Котовой, С. Зенкевича, О. Лекманова. М., 2008. С. 32 (впервые: Новая жизнь. 1912. № 9); М. Тумповская отмечает, что поэт «достигает возможной простоты и строгости» (Тумповская М. «Колчан» Н. С. Гумилева // Н. С. Гумилев: pro et contra. С. 438 (впервые: Аполлон. 1917. № 6—7)).

²² См. об этом, например: Тименчик Р. Д. 1) Заметки об акмеизме (I) // Russian Literature. 1974. № 7/8. С. 23—46; 2) Заметки об акмеизме (III) // Russian Literature. 1981. № 9. С. 175—189; Грякалова Н. Ю. Н. С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 113—115.

²³ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 19. Курсив здесь и далее в цитатах наш, кроме специально оговоренных случаев. — А. Ч.

«*⟨...⟩ изысканная простота кажется бедностью. Резкое нарушение пропорций запоминается скорее, и удивление способствует вниманию. Сологуб в стихах не удивляет, и поэтому многие проходят мимо него*». ²⁴ Гумилев переинтерпретирует мысль Брюсова, подчеркивая возможность удивиться лирике Сологуба. Тем самым молодой критик определяет свою точку зрения как посвященного, а не рядового читателя. Кроме того, Гумилев, в отличие от Брюсова, говорит о сложности стихов Сологуба непосредственно: «Переходя к формальной стороне творчества Сологуба, прежде всего останавливаешься на сложном механизме его приемов». ²⁵

Книгу стихов Гумилев рассматривает не только как критик, но и как начинающий поэт. В приведенной выше цитате можно наметить и смысловую параллель со статьей Сологуба «За стихи». ²⁶ Замечание Гумилева о чтении как многоэтапном и сложном процессе коррелирует с рассуждениями Сологуба о постепенном, медленном «созревании» стихотворения в душе поэта: «Есть слова, западающие в память *⟨...⟩*. Они сложились в медленной и упорной работе *⟨...⟩*. Но та дорогая строчка мне мила, потому что она медленно выросла из души, с усилием облеклась в свою блистающую форму». ²⁷ Мысль о том, что создание стихов требует большого труда, также проходит сквозь всю статью Гумилева. ²⁸

Опыт символистских критиков усваивается молодым автором на разных уровнях конструирования литературно-критического текста. Анализ рецензии дает все основания полагать, что в качестве образца Гумилев в первую очередь избирает отзыв Брюсова и воспроизводит композиционные особенности и некоторые смысловые константы рецензии наставника.

Основную часть отзыва Гумилев начинает с оценки поэтической эволюции Сологуба. Поэт, по его мнению, не пошел по старому декадентскому пути, ²⁹ а создал свой неповторимый поэтический мир. Характеризуя тематику сологубовских стихотворений, Гумилев отмечает ее универсализм и новизну: «Темы его вечно-близки и вечно-новы: ласкающая смерть, любовь без желанья, грусть и порыв к мятежу». ³⁰

Оценка образности и стилистики сборника, как и у Брюсова, следует за описанием тематики книги: «...для каждой *⟨темы. — А. Ч.⟩* есть новый образ, слова, волнующие своей неожиданностью. Как все большие художники, Сологуб избегает называть вещи их именами; часто он дает только одну черту какого-нибудь события, но настолько сильную и меткую, что она заменяет страницы описанья». ³¹ Гумилев, в отличие от Брюсова, не приводит примеров конкретных стихотворений, но отмечает, что, обращаясь к поэтике намеков, поэт выбирает необычные стилевые решения.

Стих Сологуба Гумилев пытается описать через его соотношение с ритмико-интонационными приемами Брюсова и Блока: «Стих его *⟨Сологуба. — А. Ч.⟩*, мягкий и певучий, лишен и медной звонкости брюсовского стиха, и неожиданных поворотов блоковского». ³² Критерии оценки у ученика и у его наставника здесь различаются. Брюсов проводит сопоставление с другим старшим символистом

²⁴ Брюсов В. Я. Две книги. С. 52.

²⁵ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 20.

²⁶ См.: Новости и Биржевая газета. 1904. 16 (29) авг. № 225. С. 5.

²⁷ Сологуб Ф. Творимая легенда. М., 1991. Кн. 2. С. 144.

²⁸ В переписке с Брюсовым Гумилев также пишет о поэтическом творчестве как постоянном труде. Ср., например: «...опять спешу в библиотеки, стараясь выведать у мастеров стиля, как можно победить роковую интерность пера. *⟨...⟩* Благодаря моим работам по прозе, я пришел к заключению о необходимости переменить и стихотворный стиль по тем приемам, которые Вы мне советовали. И поэтому все мои теперешние стихи не более чем ученические работы» (Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 35).

²⁹ Там же. Т. 7. С. 19.

³⁰ Там же. С. 20.

³¹ Там же.

³² Там же.

(Бальмонтом), Гумилев говорит и о символистах следующего поколения. Параллель между автором «Пламенного круга» и наиболее авторитетными для критика поэтами-символистами подчеркивает особый привилегированный статус поэзии Сологуба в иерархии Гумилева.

В отзыве Гумилева ощутимо влияние языка критики младших символистов.³³ Рецензент продолжает мифологизацию поэтической личности Сологуба, начатую А. Белым. В ряде отзывов³⁴ Белый конструировал образ Сологуба-колдуна, но, занимая метафорику старшего литератора, Гумилев далеко не во всем разделяет точку зрения предшественника.

Колдовство Сологуба, по мысли Белого,³⁵ направлено не на преодоление действительности, а на полное ее уничтожение, подмену собственной фикцией: «Колдовство Сологуба — химера, не более: ведь сам-то он такой большой в благих намерениях, в демонизме своем умалется бесконечно».³⁶ Гумилев отождествляет «колдовскую» способность поэта преобразовать мир с эстетикой всего символизма и оценивает ее высоко. Поэтический мир Сологуба, по утверждению Гумилева, настолько реален, что действительность не выдерживает сравнения с ним: «Перешедшее предел огня, где погибает все живое, его творчество живет иным бытием, оно похоже на свинцовые воды заколдованного озера, где отражается весь мир, но отражается преобразенным, и, вглядываясь в него, кажется, что все иное — тень и бредовое безумье».³⁷

Гумилев показывает, что ворожащий лирический герой — одна из наиболее ярких поэтических масок Сологуба:³⁸ «...он ворожащий колдун, у которого есть свой рай на звезде Маир», который «в долине скорби (...) обрел нежное, нежалящее солнце и нашел сладость в соке горьких подземных трав», само его творчество напоминает воды «заколдованного озера».³⁹ «Колдовской» поэтический мир Сологуба Гумилев описывает, обращаясь к текстам автора: «Вот призывает он людей полюбоваться его сокровищами: окровавленным идолом полинезийских деревень, гибкими стеблями полныи и грешной алоэвью рубина».⁴⁰ Эти образы присутствуют в разделе «Волхования», в стихотворениях «Громадный живот...» (1898) и «Я подарю тебе рубин...» (1906). «Идол» и «рубин» обладают магической силой, один — враждебной («Он — кудесник и враг, / И свирепость его голодна»),⁴¹ другой — охранной, являясь колдовским орудием лирического героя («Весь окровавленный кристалл / Горит неведомым огнем. / Я сам его зачаровал / Безмолвным, неподвижным сном»⁴²). Этот «колдовской» аспект лирики Сологуба был поэтически от-рефлексирован самим Гумилевым. Образ колдуньи, мотив «околдованности» в

³³ Для языка критики характерно размывание границ между критическим и художественным текстом, «преобладание высокого, эмфатического стиля, насыщенного метафорами» (Максимов Д. Е. Поэзия и проза Александра Блока. Л., 1981. С. 196).

³⁴ См. упомянутые выше рецензии «Истлевающие личины», «Далай-лама из Сапожка», «Федор Сологуб. Стихи. Книга шестая».

³⁵ Образ поэта-колдуна Белый связывал с Гоголем. Как показала Е. Григорьева, Белый изображает Сологуба «как законченного декадента», который «завершает в своем творчестве процесс разложения действительности, начатый Гоголем» (Григорьева Е. Федор Сологуб в мифе Андрея Белого. С. 115, 133).

³⁶ Белый А. Собр. соч. М., 2012. [Т. 8:] Арабески. Книга статей. Луг зеленый. С. 452.

³⁷ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 19.

³⁸ Ср.: «Жизнь скучной и нелепой / Надо медленно мне жить, / Не роптать на рок свирепый, / И о тайном ворожить» («Ты в стране недостижимой...», 1902; цит. по: Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. II. Кн. 2. С. 66); «Околдовал я всю природу, / И оковал я каждый миг. / Какую страшную свободу / Я, чародействуя, постиг!» («Околдовал я всю природу...», 1904; цит. по: Там же. С. 110); «Собираю ваши травы / И над ними ворожу, / И варю для вас отравы» («Ты не бойся, что темно...», 1904; цит. по: Там же. С. 136), и др.

³⁹ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 19.

⁴⁰ Там же. С. 19.

⁴¹ Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм Т. II. Кн. 1. С. 506.

⁴² Там же. Т. II. Кн. 2. С. 256.

конце 1900-х годов появляется в поэзии Гумилева, по всей вероятности, не только в результате обращения поэта к оккультной литературе,⁴³ но и вследствие известного влияния старшего символиста.⁴⁴

После отзыва на «Пламенный круг» Гумилев дважды обращается к поэзии Сологуба, рецензируя в 1910 году I и V тома Собрания сочинений издательства «Шиповник», а в 1914 году — XIII том издательства «Сирин». Новые отклики ярко демонстрируют, как меняется позиция Гумилева-критика в зависимости от литературных событий 1910-х годов. В этот период закрываются журналы «Весы» и «Золотое руно»,⁴⁵ разворачиваются дискуссии о путях русского символизма,⁴⁶ появляются новые литературные группировки.⁴⁷ С 1909 года Гумилев становится штатным и весьма влиятельным критиком «Аполлона», где ведет рубрику «Письма о русской поэзии».

В сентябре 1910 года рецензия на I и V тома Сологуба из Собрания сочинений «Шиповника» открывает подборку «Писем о русской поэзии», и здесь мнение Гумилева о художественных достижениях поэта резко меняется.

Новая критическая статья вызвала недоумение со стороны символистов. Так, С. А. Кречетов писал Сологубу 28 августа 1910 года: «Весьма негодовал, прочтя в последнем № „Аполлона” гумилевскую на Тебя хулу. Знаешь, Федор Кузьмич, подобало бы привести мальчишек к должному решпету. Конечно, в твоих глазах, как и в глазах зрителей, Гумилев — моська и притом не особо породистая, но ведь, бывает, и мосек бьют, когда они лезут под ноги. В Москве все очень поражены выходкой Гумилева и еще более тем, что она — не в случайном месте, а в „Аполлоне”, руководители коего не могли его просмотреть».⁴⁸

Гумилев стремится к переоценке не столько творчества Сологуба, сколько его рецензентов: «Много написал Сологуб, но, пожалуй, еще больше написано о нем. Так что, может быть, лишний труд писать о нем еще. Но у меня при чтении критик на Сологуба всегда возникают странные вопросы, неуместные простотой своей постановки. Как же так? Преемник Гоголя — а не создал никакой особой школы; утонченный стилист, а большинство его стихотворений почти ничем не отличается одно от другого; могучий фантаст — а только Недотыкомку, Собаку да звезду Маирмы и помним из его видений!»⁴⁹ Преемником Гоголя, «стилистом» и «фантастом» Сологуба называли многие критики.⁵⁰ Названные Гумилевым образы («Недотыкомка, Собака да звезда Маир») отсылают к текстам Сологуба, которые не раз ста-

⁴³ См.: Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 113—145.

⁴⁴ См., например, стихотворение «Из логова змеява...» (1911). Тема влияния Сологуба на лирику Гумилева требует специального анализа.

⁴⁵ См.: Лавров А. В., Максимов Д. Е. «Весы» // Русская литература и журналистика XX века (1905—1917). Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 65—130; Лавров А. В. «Золотое руно» // Там же. С. 137—173.

⁴⁶ См.: Переписка с Вячеславом Ивановым (1903—1923) / Публ., вступ. статья и комм. С. С. Гречешкина, Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова // Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 431—432; 524—531; Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (Обсуждение доклада Вяч. Иванова) // Русская литература. 1990. № 1. С. 200—207.

⁴⁷ Например, см.: Крусанов А. В. Русский авангард 1907—1932: Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1. Кн. 2. С. 67—93, 239—308; Лекманов О. А. Книга об акмеизме. Томск, 2000. С. 9—17.

⁴⁸ Опубликовано: Письма С. А. Соколова и Л. Д. Рындиной к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской (1904—1915) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 180.

⁴⁹ Гумилев Н. С. Поля. собр. соч. Т. 7. С. 69.

⁵⁰ Например, см.: Блок А. Пламенный круг // Золотое руно. 1908. № 7—9. С. 97—98; Бельский А. 1) Истлевающие личины // Критическое обозрение. 1907. № 3. С. 27—29; 2) Далай-лама из Сапожка // Весы. 1908. № 3. С. 63—76; Чуковский К. Навьи чары мелкого беса // Русская мысль. 1910. № 2. С. 70—106; Измайлов А. Северный сфинкс // Новое слово. 1910. № 3. С. 76—79.

новились предметом обсуждения рецензентов: «Недотыкомка серая...» (1904); «Собака седого короля» (1908); «Звезда Маир» (1898).⁵¹ В отличие от предшественников, критик не стремится признать произведения «последовательного декадента» хрестоматийными. Напротив, он цитирует стихотворение «Ангел снов невиденных...» (1895), ранее не становившееся объектом интереса рецензентов. Помимо «неярких», с точки зрения Гумилева, образов и эпитетов текст мог привлечь его внимание как концентрирующий в себе общедекадентские темы и мотивы: стремление к запредельному, желание постичь тайну, недосыгаемого неведомого. Художественный мир Сологуба, по его мнению, теряет свою преобразующую силу и становится «видением» исключительно одного автора: «...он изображает вещи не такими, какими их видит, и больше всего любит „то, чего на свете нет”». ⁵² Его муза — „ангел снов невиденных на путях неиденных”, который, как рыцарский щит с гербом, держит в руках „книгу непрочтенную с тайной запрещенною”». ⁵³

Если в рецензии на «Пламенный круг» Гумилев описывал лирику Сологуба, обращаясь к метафорическому языку критической прозы «младших» символистов, то в новой рецензии важное место занимает лексика из словаря визуальных искусств: «глубина», «пластика», «линии», «краски», «рисовать», «лепить». Критик отказывает Сологубу в четком изображении «линий и красок», а также в мастерстве стихосложения, расходясь в оценке поэта со своими учителями.

Ср. у Гумилева: «Красок нет, да и линии как-то подозрительно стертые»; «Нежелание рисовать и лепить особенно сказывается в сологубовских рифмах. (...) Сологуб, рифмуя одинаковые формы глаголов или прилагательные, принимая окончания таких слов, как „гадания”, „вещания”, за дактилические рифмы, невольно обескрыливает свой стих»;⁵⁴ и у Брюсова в статье «Федор Сологуб как поэт» (1910): «безукоризненность линий»; «красоту линий его образов надо пристально высматривать»; «изошренность рифм».⁵⁵ Изысканность рифм Сологуба, их связь с семантикой лирического сюжета стихотворений отмечал в статье «О современном лиризме» (1909) и другой учитель Гумилева — И. Анненский.⁵⁶

Размышления о месте старшего символиста в иерархии поэтов также полемичны по отношению к символистским критикам. Сологуб не исключен Гумилевым из литературного пантеона, но его творчество уступает другим символистам: «Словарь благородный,⁵⁷ но зато какой невыразительный; сравните его хотя бы со словарем Брюсова или Бальмонта; я не говорю об Иванове или Анненском, у которых прилагательное своей глубиной и красочностью совершенно подавляет существительное».⁵⁸ В этом высказывании можно заметить и полемический жест в адрес

⁵¹ О стихотворении «Недотыкомка серая...» писали, например, Блок (Творчество Федора Сологуба // Перевал. 1907. № 10. С. 21—23) и Чулков (Дымный ладан // Чулков Г. И. Покрывало Изиды. М., 1909. С. 65—81); о «Собаке седого короля» — Анненский (О современном лиризме // Аполлон. 1909. № 1. С. 34—35), Брюсов (Две книги. С. 51—52), Чулков (Пламенный круг // Слово. 1908. 28 июня. № 488. С. 5), Л. Шестов (Поэзия и проза Федора Сологуба // Речь. 1909. 24 мая. № 139. С. 3). О цикле стихов «Звезда Маир» — Брюсов (Федор Сологуб как поэт // Русская мысль. 1910. № 3. С. 150—155), Ан. Чеботаревская (Творимое творчество // Золотое руно. 1908. № 11—12. С. 56—62) и Чуковский (Навыч чары мелкого беса. С. 70—106).

⁵² Цитата из стихотворения З. Гиппиус «Песня» («Окно мое высоко над землею...», 1893) подчеркивает однообразие декадентской тематики.

⁵³ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 70.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Брюсов В. Я. Собр. соч. Т. 6. С. 284.

⁵⁶ О «Тихой колыбельной» Анненский писал: «нежно открытая рифма», отражающая след «чего-то истомленного, придушенного, еле шепчущего, жутко-невыразимо-лунного»; в «Чертовых качелях» критик отмечал «стонущие рифмы» (цит. по: Анненский И. Ф. Книжки отражений. М., 1979. С. 352; 357).

⁵⁷ В оценочном словаре Гумилева «благородство» — характеристика, подразумевающая принадлежность поэта к «высокой» культуре.

⁵⁸ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 70.

Брюсова, полагавшего, что скудость эпитетов Сологуба не исключает их выразительности, а скорее, наоборот, придает им изысканность.⁵⁹

Изменение литературной стратегии критика связано с дискуссией 1910 года о путях развития символизма.⁶⁰ Напечатанные в девятом номере «Аполлона» обзоры Кузмина «Художественная проза „Весов“» и Гумилева «Поэзия в „Весках“», а также статья А. Ростиславова «Золотое руно» концептуально усиливали ведущий материал номера, манифест Брюсова «О „речи рабской“ в защиту поэзии». Гумилевская подборка «Писем о русской поэзии», открывавшаяся рецензией на Собрание сочинений Сологуба, также дополняла общую концепцию.

Несмотря на то, что размолвка «Аполлона» с Сологубом началась с первого номера,⁶¹ редакция еще полгода рассматривала старшего символиста как важного сотрудника журнала. В середине 1910 года, однако, журнал окончательно утрачивает интерес к литератору. После получения статьи Брюсова секретарь Зноско-Боровский уже готов отказаться от Сологуба и Вяч. Иванова: «Мы можем, думаю, иметь смелость делать свое дело и без них. Едва ли они нам во многом помогали».⁶²

Другие сборники, включенные в рассматриваемую подборку «Писем», также были подвергнуты резкой критике. Книгу стихов С. Соловьева «Апрель» Гумилев порицал за отсутствие реальных переживаний: «...все его книжные образы — ⟨...⟩ только беспомощный пересказ событий, известных из истории и легенд».⁶³ О «Звездных песнях» революционера Н. Морозова, написанных им за двадцать лет в тюрьме, критик отозвался еще жестче: «шаблонность переживаний, тупость поэтического восприятия и бесцеремонность в обращении с вечными темами...»⁶⁴ В сборнике Н. Брандта «Нет мира моему миру» критик отметил темы «банально-декадентские с уклоном к парнасизму»;⁶⁵ наконец, Гумилев удивлялся, зачем пишет С. (Вера) Гедройц, автор посредственных «Стихов и сказок».⁶⁶

Последняя рецензия Гумилева на Сологуба, посвященная «Жемчужным светилам», XIII тому его Полного собрания сочинений,⁶⁷ замыкала очередную подборку «Писем о русской поэзии», открывавшуюся отзывом на «Стихи Нелли».⁶⁸ В эту подборку вошли также рецензии на «Громокопийный кубок» И. Северянина, стихотворения В. Хлебникова, «Камень» О. Мандельштама, «Первую пристань» В. Комаровского, «Фамиру Кифареда» И. Анненского. Среди книг, поступивших в редакцию «Аполлона» для рецензирования, встречаются только «Стихи Нелли» и со-

⁵⁹ См.: Брюсов В. Я. Собр. соч. Т. 6. С. 284—285.

⁶⁰ Об этом см.: *Корецкая И. В.* Аполлон // Русская литература и журналистика XX века (1905—1917). С. 212—256.

⁶¹ Сологуб высказал недовольство анализом собственного творчества в статье «О современном лиризме» И. Анненского и заявил, что после этого инцидента он не будет принимать участие в журнале (подробнее см.: *Лавров А. В., Тименчик Р. Д.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1981. С. 98; *Павлова М.* Писатель-Инспектор. М., 2007. С. 348—349).

⁶² *Зноско-Боровский Е.* Письмо к С. Маковскому (сентябрь 1910) // РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 1770. Л. 15.

⁶³ *Гумилев Н. С.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 72.

⁶⁴ Там же. С. 74.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 75.

⁶⁷ См. также отклик на «Жемчужные светила» в газете «Кавказская речь» ([Ник. Т.-о]. Огненный мак («Жемчужные светила», стих. Ф. Сологуба, изд. «Сирин», 1913) // Кавказская речь. 1913. 12 (25) авг. № 189. С. 5). Отзывы о некоторых стихотворениях, вошедших в сборник, встречаются в эссе Ю. И. Айхенвальда (*Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М., 1910. Вып. 3. С. 47—73). В очерке о Сологубе (1928) В. Ф. Ходасевич также высказал несколько наблюдений о «Жемчужных светилах» (см.: *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 108).

⁶⁸ Сборник «Стихи Нелли» вышел анонимно, однако авторство Брюсова было известно некоторым литераторам (см.: *Лавров А. В.* «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1985. М., 1987. С. 70—96).

чинения Комаровского.⁶⁹ Остальные издания, по всей видимости, Гумилев, обладая к тому времени полномочиями главы литературного отдела, отобрал самостоятельно. Композиционная последовательность рецензий тем самым формирует смысловое единство подборки.

Гумилев вновь поднимает вопрос о взаимодействии поэта с читательской аудиторией. В отзыве на Северянина критик проводит аналогию между литературой начала 1910-х годов и Римом накануне вторжения варваров, поясняя, что, подобно римлянам, «люди книги» в погоне за новыми формами обращаются к мещанской культуре германцев, новых варваров, «людей газет». Как кажется, само по себе творчество «людей газет» для Гумилева не представляет большой опасности, однако трагедия происходит, когда «человек книги» уходит в чуждый ему стан «людей газеты». «Стихи Нелли» Брюсова, по мнению Гумилева, являются как раз этим шагом в сторону «людей газеты», творчество Сологуба, однако, показывает, что этот поэт оказался более чуток к естественному ходу времени.

Динамичная культурная жизнь 1910-х годов заставила Сологуба во многом подстраиваться под ее темп:⁷⁰ помимо собственных «воскресений», поэт часто председательствовал в «Литературно-художественном обществе», принимал у себя журналистов, выступал с публичными лекциями, ездил на гастроли с Северяниным и т. д.⁷¹ Новые интересы, как полагает Гумилев, не сказались на самостоятельности творчества Сологуба, в отличие от сочинений Брюсова и Северянина. Критик указывает на умение поэта не поддаваться влиянию новой читательской аудитории и находить вдохновение для дальнейшего поэтического роста: «Как большой поэт, Сологуб очень чуток к настроениям толпы и, нисколько не подлаживаясь к ней, живет тем же темпом жизни, чем и объясняется его вполне заслуженная популярность».⁷²

Гумилев в очередной раз пересматривает свое отношение к Сологубу, пытаясь взглянуть на его произведения уже не глазами молодого поэта и критика или лидера новой литературной группы, а с историко-литературной точки зрения: «...стихи за тридцать лет поэтической деятельности. Для историка литературы они являются бесценным пособием...»⁷³ Апелляция к будущему исследователю может быть здесь скрытой иронией, как, например, в статье самого Сологуба «За стихи».⁷⁴ Вместе с тем Гумилев, по всей видимости, ориентируется и на Анненского-критика. Оценка поэтов-современников с точки зрения историка литературы была для критики Анненского принципиальной.⁷⁵

В отличие от рецензии на Собрание сочинений издательства «Шиповник» Гумилев описывает лирику Сологуба как меняющуюся на каждом новом этапе: «Тут и несколько слащавая просветленность восьмидесятых годов, и застенчивый эстетизм девяностых, потом оправдание зла, политика, богоискательство, проблемы пола и, наконец, мягкая ирония мудреца мира сего».⁷⁶ Эволюцию Сологуба отмеча-

⁶⁹ См. раздел «Книги, поступившие в редакцию»: Аполлон. 1913. № 8. С. 93—94.

⁷⁰ Во многом это происходило под влиянием жены поэта, Ан. Н. Чеботаревской. Об этом см.: Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 290—303.

⁷¹ См.: Там же. С. 296—297; Северянин И. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Вступ. статья, публ. и комм. Л. Н. Ивановой, Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 703—712.

⁷² Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 169.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Ср.: «В сочинениях авторов даровитых, но многопишущих, есть та досадная черта, что их надо читать, соображаясь с хронологией (...). Занято для историка литературы, но разочаровательно для тех простодушных, которые берут книги, чтобы найти в них ответы на свои запросы...» (Сологуб Ф. Творимая легенда. Кн. 2. С. 145).

⁷⁵ Это неоднократно подчеркнуто в «Книгах отражений». См., например, статью «Бальмонт-лирик» (1904) (Анненский И. Ф. Книги отражений. С. 93—123).

⁷⁶ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 169.

ли ранее Анненский, Брюсов, Вас. Гиппиус, Чеботаревская и другие критики. Гумилев лишь точечно обозначает разнообразие творчества старшего поэта на разных этапах, не заботясь о точности хронологии. «Слащавая просветленность восьмидесятых годов» характеризует стилистику первых стихотворных выступлений Сологуба в духе поэтов-народников, например, С. Надсона.⁷⁷ Отмеченной Гумилевым теме «оправдания зла» Сологуба, которого современники считали «единственным последовательным декадентом»,⁷⁸ посвятил значительное количество произведений. События революции 1905—1907 годов — то, что Гумилев называет «политикой», послужили импульсом для создания сборников «Родине» (1906) и «Политические сказочки» (1906). Время «богоискательства» ознаменовано публикациями стихов в журнале Мережковских «Новый путь». ⁷⁹ Наконец, «мягкая ирония мудреца мира сего» обозначала лирику конца 1900-х — начала 1910-х годов. В отзыве на «Жемчужные светила» Гумилев, по всей вероятности, развивает метафору Блока из рецензии на «Пламенный круг» о поэте-мудреце, ищущем гармонии с миром.⁸⁰

Выборка стихотворений Сологуба 1910-х годов, сделанная критиком, по преимуществу раскрывает как ироничность стиля поэта, так и его поиски диалога с окружающей действительностью: «...он новатор, и если это часто мешает его стихам быть совершенными, то они зато выигрывают в пронзительности, с которой они ударяют по сердцам. В этой его книге есть несколько новых стихотворений, которые навсегда останутся в самых строгих, самых избранных антологиях русской поэзии: „Красота Иосифа“, „Опять ночная тишина“, „Светлый дом мой все выше“ и „Зелень тусклая олив“ — самые значительные».⁸¹ Если в отзыве на «Пламенный круг» критик говорил о глубоком влиянии стихов Сологуба, а во второй рецензии — об их шаблонности, то здесь он рассуждает о «пронзительности» текстов, что сближает позиции Гумилева в первой и последней рецензии. Но если раньше Гумилев стремился учиться у Сологуба поэтическому мастерству, то теперь он пытается увидеть сочинения старшего поэта с воображаемой исторической дистанции. При этом критик восстанавливает высокое положение Сологуба в поэтической иерархии.

Рассуждения Гумилева об антологии не являются риторической фигурой: находясь в Лондоне в 1918 году, Гумилев, как известно, занимался составлением антологии современной русской поэзии. В Гуверовском архиве хранится составленный Гумилевым список поэтов для этого сборника, и имя Сологуба помещено там в числе первых.⁸²

Примечательны при этом не только очередной пересмотр собственной позиции относительно творчества Сологуба, но и параллели со взглядами символистских критиков, высоко оценивших автора «Пламенного круга» еще до 1910 года. Эти схождения дают основание отметить постоянство Гумилева. Преодолев период утверждения акмеизма, он возвращается на новом уровне к оценкам, сформулированным им еще в первых рецензиях, и углубляет их. Таким образом, можно говорить о продолжении эволюции Гумилева-критика и поэта.⁸³

⁷⁷ Подробнее см.: Дикман М. И. Поэтическое творчество Федора Сологуба. С. 14—15; Павлова М. В поисках Ариадны. Ранее творчество Федора Сологуба // Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. I. С. 957—974.

⁷⁸ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 70.

⁷⁹ В «Новом пути» были опубликованы: рассказ «Жало смерти» (1903. № 9. С. 124—160), стихотворения «В изукрашенном покое...», 1898; «Напрасно исчисляю годы...», 1900 (1904. № 3. С. 85); «Моя усталость выше гор...», 1902; «Тщетное томление моей жизни...», 1899 (1904. № 11. С. 43—48), и др.

⁸⁰ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. С. 44.

⁸¹ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 169.

⁸² См. об этом: Степанов Е., Устинов А. Николай Гумилев во Франции. Новые материалы // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Stanford, 2014. С. 228—230.

⁸³ Об эволюции поэтики позднего Гумилева писал, например, Вяч. Вс. Иванов. Так, характеризуя стихотворение «Память» (1921), ученый утверждал: «Эта поэзия видений по сути своей выходила за рамки, очерченные ранним акмеизмом, и тяготела то к образности великого

Гумилев тем самым выступает за обновление поэзии, но не путем радикальных экспериментов, а посредством естественной эволюции поэтического языка. Лирика Сологуба соответствовала представлениям критика о постепенном, медленном изменении поэтики стихотворных текстов. Итак, если не принимать во внимание полемически ангажированный период начала 1910-х годов, Сологуб, вне сомнения, являлся для Гумилева авторитетной фигурой в современной литературе.

символиста Блока, то даже к крайностям футуризма...» (Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (Поэтический мир Н. С. Гумилева) // Иванов Вяч. Вс. Избр. труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. С. 235, 240).

© Л. Г. Панова

ТРИ РЕИНКАРНАЦИИ КЛЕОПАТРЫ В ПРОЗЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: НОВЫЕ УЗОРЫ ПО ПУШКИНСКОЙ КАНВЕ*

В первой части нашего исследования¹ речь шла о сходстве главных героинь «Красногубой гостьи» (1909) Ф. Сологуба, «Последних страниц из дневника женщины» В. Я. Брюсова (1910) и «Дела корнета Елагина» (1926) И. А. Бунина. Будучи «потомками» пушкинской Клеопатры, они проживали сценарий «любовь в обмен на жизнь (честь, здоровье...) мужчины», намеченный, но не разработанный Пушкиным в незавершенной балладе «Клеопатра» и двух прозаических фрагментах — «Египетских ночах» и «Мы проводили вечер на даче...». К балладе «Клеопатра» восходит также ансамбль партнеров наших героинь, неизменно включающий в себя погубленного юношу.

Если считать наличие пушкинской канвы в «Красногубой гостье», «Последних страницах...» и «Деле...» доказанным, то почему же она никогда не замечалась? Все внимание читателей и исследователей отвлекали на себя выведенные поверх этой канвы узоры изысканной модернистской выделки. Им и будет посвящена настоящая статья.

1. На randevу с первой женщиной мира («Красногубая гостья»)

1.1. Мифологема Лилит

Как известно, Сологуб адаптировал легенду о двух женах Адама, Лилит и Еве, к своему собственному архисюжету о становлении мужчины-творца. Расставшись с лунной, отрешенной от мира «Лилит», он сходится с солнечной, земной и приносящей с собой радости и тревоги мира «Евой». У «Лилит» он учится лирическому отношению к миру, а у «Евы» — ироническому, и эти два знания в своей антиномичности создают правильное самоощущение для творчества.²

Лада Геннадьевна Панова — приглашенный исследователь Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе.

* Мой приятный долг — поблагодарить А. К. Жолковского, Е. В. Капинос, Владимира Паперного и Е. Д. Толстую за ценные подсказки и замечания.

¹ Панова Л. Г. Три реинкарнации Клеопатры в прозе Серебряного века. Статья первая. Пушкинский прототип // Острова любви Борфедда: Сб. статей в честь Б. Ф. Егорова. СПб., 2016. С. 676—689.

² Дальше суммируются и развиваются работы, посвященные сологубовской мифологии Лилит: Carlson S. The Dichotomy of Lilith and Eve in Fedor Sologub's Mythopoetics // Russian Li-